

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 34.06.+316.6

ПАРАДИГМЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИИ

Juvenile Justice Paradigms and Improvement of Realization of the Constitutional Rights and Freedoms of Man and Citizen in Russia

М. Р. Арпентьева – доцент кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, кандидат психологических наук, доцент

M. R. Arpentieva – Associate-Professor of the Department of Psychology of Development and Education of the K. E. Tsiolkovsky Kaluga State University, Candidate of Psychological Sciences, Associate-Professor

***Аннотация.** Статья посвящена проблемам внедрения и процедурам восстановительной модели правосудия на примере ювенальной юстиции, рассматривается зарубежный и отечественный опыт (проблемы) ювенальной юстиции. Сравниваются доктрины ювенальной юстиции, в том числе доктрины карательной и понимающей юстиции.*

The article is devoted to the problems of implementation and procedures of reconstructing model of juvenile justice system, it considers foreign and domestic experience (problems) of juvenile justice. The author compares the doctrines of juvenile justice, including the doctrine of punitive and understanding justice.

***Ключевые слова:** ювенальная юстиция, доктрина понимания, социальный работник, судопроизводство по делам несовершеннолетних.*

Juvenile justice, the doctrine of understanding, social worker, legal proceedings in juvenile cases.

Защита прав и свобод человека в истории России и мира играет особую роль и на современном этапе развития рассматривается в контексте общей либерализации отношений в обществе и государстве. Сфера защиты прав детей названа ювенальной юстицией. В последнее столетие различные системы ювенальной

юстиции получили развитие практически во всем мире.

Современная ювенальная юстиция представляет собой весьма сложное целое – комплекс концепций и схем влияния на детей и подростков, описывающих множество конкретно-практических ситуаций воздействия на человека,

семью, первичные группы (непосредственное окружение несовершеннолетнего) и социальные институты с целью помощи несовершеннолетним, совершившим противоправный поступок, и их семьям, потерпевшим и обществу, которые столкнулись с необходимостью защиты и профилактики противоправного поведения.

Центральной фигурой, с которой связана идея ювенальной юстиции, является социальный работник и реализуемая им доктрина понимания, представляющая социальную работу как деятельность, в том числе в контексте ювенальной (ювенальной юстиции) и матуральной (юстиции взрослых) правосудия. Доктрина понимания направлена на формирование, поддержание, восстановление и развитие социальности субъекта, в том числе субъекта, попавшего в трудную жизненную ситуацию. Она предполагает необходимость системного, многоуровневого и многоаспектного рассмотрения социальной работы как диалога социального работника, клиента, государственных и негосударственных организаций по поводу существующих у клиента трудностей функционирования, развития и самореализации в конкретном социуме.

Социальная работа, осуществляемая в рамках доктрины понимания, в том числе в рамках ювенальной и матуральной юстиции, отличается от социальной работы, регулируемой доктринами воздействия и помощи (реабилитации), смысловыми ориентирами, определяющими ее более широкие возможности сотрудничества с разными группами клиентов и разными институтами и организациями, в целях улучшения качества жизни не только клиента и его ближайшего окружения, но и общества в целом.

Понимание как процесс и результат осмысления человека, ситуаций его жизнедеятельности и взаимоотношений предполагает организацию преобразующего диалогического взаимодействия эдологов, клиентов, общества, государства – всех участников (ре)социализации личности в направлении улучшения качества ее жизни, а также жизни связанных с нею структур, общества в целом. В контексте ювенальной юстиции доктрина понимания, в отличие от более ранних доктрин, предполагает работу эдолога не только с несовершеннолетними преступниками и их ближайшим окружением, но и с потерпевшими, органами правосудия и правозащиты, общественными организациями и обществом в направлении гармонизации их взаимоотношений,

организации преобразующего диалога как понимающего и взаимодействия равноуровневых и разноплановых по своим функциям в социализации личности структур.

Как доктрина юстиции доктрина понимания предлагает свой вариант целей и задач, технологий и шагов деятельности социального работника, сотрудничающего с несовершеннолетним клиентом, его семьей и окружением, со специалистами системы правосудия и коллегами-смежниками, с потерпевшими и их окружением. В традиционной юстиции (правосудии) с ее доктриной наказания («кары») функции социального работника не определены: социальный работник как специалист появился в России недавно, сходные по своим функциям и профессиональным компетенциям специалисты (психологи, педагоги, медики и т. д.) в традиционном судопроизводстве могут быть привлечены в качестве экспертов, однако их присутствие не только не является обязательным, но и может быть оспорено в связи с достаточностью имеющихся у суда данных о преступлении (событии и составе) и преступнике, его жизнедеятельности.

В связи с попытками реализации в стране судебной реформы активно обсуждается вопрос о дополнении общей юстиции специализированными элементами, которые позволяли бы защищать права обвиняемых, в том числе детей, а также максимально учитывать при расследовании, определении и исполнении наказания особенности личности и жизни человека, личностные и межличностные предпосылки и последствия совершенного им преступления, а также возможности не карательного, а восстановительного правосудия. Попытка преодолеть карательный модус традиционной юстиции в рамках ставшей за рубежом классической ювенальной юстиции с ее доктриной защиты (прав) несовершеннолетнего привела к тому, что для социального работника наиболее значимыми по-прежнему оказываются экспертные функции. Однако экспертная деятельность направлена на помощь в защите прав несовершеннолетнего не столько как подсудимого, сколько как человека, одного из жертв ситуации наряду с потерпевшим.

Отставание прав несовершеннолетнего, как показала зарубежная практика, осуществляется подчас в ущерб нравственным императивам, в том числе императивам искупления и прощения. Социальный работник, а в его лице и общество, игнорируют факт преступления ради ложно

понятой «гуманности»: асимметрия карательной доктрины правосудия, центрированной на обязанностях и обязательствах личности перед обществом, сменяется асимметрией доктрины защиты прав, центрированной на обязанностях общества перед личностью, а также на правах личности вне связи с ее общественными обязанностями.

Парадигма реабилитации и защиты предполагает индивидуализацию обращения, основана на медицинской модели, объясняющей преступное поведение как симптом скрытых нарушений, при которых преступление было менее значимо, чем реабилитационные услуги для исцеления таких предполагаемых нарушений. Преступление рассматривается не само по себе, а как частное проявление нарушенных процессов социализации. Поэтому в начале становления ювенальной юстиции упор делался на ресоциализацию подростков как помощь в решении их специфических проблем, нужд, а не только на ослабление криминализирующих общество социальных факторов, комплексную работу с семьями как первичными группами социализации и иными институтами социализации, правонарушителями и пострадавшими от них гражданами. Однако ювенальная юстиция и защита детства не одно и то же: помощь должна осуществляться в направлении и способами, связанными с сокращением криминализации и виктимизации в сообществе. Поэтому социальной работе необходимо обращение к подходам и технологиям восстановительного правосудия. Восстановительное правосудие, обращенное к представлению об ответственности правонарушителя, позволяет отделить функцию разрешения дела (включая определение виновного, удовлетворение интересов жертвы и назначение санкций) от профессиональных судебных процедур. Это особенно заметно в случае процедур медиации в досудебном урегулировании конфликтов.

Карательный и реабилитационный подходы, отмечает Г. Бэйзмор [1], по своей сути односторонни. В первом случае цель – наказание правонарушителя, лишенного возможности исправить содеянное, отсутствие учета потребностей жертвы. Во втором случае – воздействие на преступника путем индивидуализации обращения, исключая остальных участников, игнорирование проблемы ответственного поведения несовершеннолетнего правонарушителя. Восстановительный подход охватывает все аспекты для успешного разрешения конфликтов пострадавших

и правонарушителей, которые, кроме того, находятся в конфликте с нормами права. В восстановительном подходе наряду с реабилитацией формируются навыки ответственного поведения. Реабилитационная доктрина акцентирует внимание на решении проблем правонарушителя, восстановительная в процессе решения проблем фокусируется на условиях и способах формирования ответственного поведения. Таким образом, третий, восстановительный подход осуществляется в рамках доктрины понимания. Он является попыткой и юридически, и психологически грамотно, в соответствии с существующим УК РФ, исходя из особенностей внешних и внутренних обстоятельств правонарушения (преступления), осуществлять анализ причин правонарушения (преступления), вероятных тенденций и условий преобразования дальнейшего поведения ребенка или подростка в категорию социально неопасного.

Термином «восстановительная ювенальная юстиция» Г. Бэйзмор обозначил проект ювенальной юстиции «нового поколения», извлечшей уроки из недостатков классической модели, центрированной на защите прав несовершеннолетнего, а также из опасности возврата к карательной доктрине правосудия, полностью игнорирующей права несовершеннолетнего, его индивидуальность и возможности восстановления гармоничных отношений с обществом. Суть правосудия в рамках данной доктрины – помочь жертве и правонарушителю разрешить конфликт: преступление есть насилие, вред, причиненный другому человеку. Жертва преступления также может нести часть ответственности за ситуацию: наличие и характер такой ответственности являются вопросом, подлежащим изучению и анализу социального работника.

Доктрина понимания предполагает, что в организации восстановительной работы нельзя оставлять без внимания преступное поведение, его психологические и социальные предпосылки и последствия для подростка/ребенка и его жертв. Попытки донести до преступника, что он причинил ущерб кому-то, должен предпринять те или иные действия для возмещения ущерба, заглавить свою вину и отвечать за последствия, связанные с ущербом, нанесенным этим преступлением, составляют второй важный момент социальной работы. Преступник должен выступать не только как получатель социально-психологических услуг, но и как субъект разрешения ситу-

ации, в которую он попал, от поступков которого зависит нормализация самочувствия жертвы, возмещение ущерба и налаживание отношений с обществом. Таким образом, правосудие использует восстановительные технологии, в том числе технологию примирения правонарушителя с потерпевшим, обращено на реабилитационную работу со всеми участниками события. Оно исходит из того, что: а) преступление нарушило нормальную жизнедеятельность и работу психики (сознания) всех его участников; б) правонарушитель должен быть реабилитирован и интегрирован в общество, чтобы нести социальную ответственность и компенсировать ущерб; в) необходимо восстановить разрушенные преступлением связи правонарушителя с обществом [3].

В целом введение ювенальной юстиции как института защиты прав и реабилитации обвиняемого и/или осужденного – начало процесса общей гуманизации отношения государства к людям, формирования гражданского общества и усиления влияния общественных структур на правосудие, еще одна попытка соблюдения Конституции Российской Федерации, гарантирующей защиту и соблюдение законности в отношении всех граждан, а не только профессиональных субъектов правосудия [4; 5; 6].

Реформирование судебной системы России в направлении ее гуманизации и общественной прозрачности – насущная необходимость: в настоящее время работа полиции, прокуратуры, адвокатуры и судов России и СНГ, занимающих далеко не высокие позиции в мировых списках рейтингов стран по соблюдению законности и прав своих и чужих граждан, нередко является не более чем прибыльным корпоративным бизнесом, состоящим в различных формах вымогательства и насилия, осуществляемых в виде карательных акций в отношении граждан с низкой юридической грамотностью, лишенных подчас минимальной правовой защищенности. Поэтому помимо того чтобы понять преступника или подозреваемого в преступлении человека социальный работник призван помочь ему осознать происходящее с ним как в ходе досудебного расследования, судебного разбирательства, так и после ос-

вобождения (в случае отбывания наказания или оправдания и последующей реабилитации).

Большинство людей, страдающих по вине карательного правосудия, перенасыщенного коррумпцией и профессиональными деформациями работников, избегают жаловаться, не веря в возможность что-то изменить, быть кем-то услышанным: страдания обвиняемых и осужденных, связанные с их полным бесправием и социально-психологической депривацией, игнорируются, насилие в отношении них полагается естественным, не требующим ограничений. Кроме того, рядом с ними, в условиях почти полного лишения человеческих прав, достоинства, преступной ресоциализации живут люди, которым просто некому и бесполезно жаловаться: опыт выученной беспомощности перекрывает в человеке способность сопереживания другим людям, активизирует присвоение моделей насильственного взаимодействия, вызывая прогрессирующую десоциализацию.

Отсутствие возможности контролировать события собственной жизни, наблюдение и взаимодействие с беспомощными людьми, отсутствие самостоятельности в детстве, стремление окружающих сделать или решить все вместо человека приводят к трем формам проявлений выученной беспомощности: неспособности действовать, активно вмешиваясь в ситуацию; обучаться эффективным действиям в трудных ситуациях; подавленности из-за переживания бесплодности собственных действий [8].

Презумпция невиновности в большинстве случаев пока остается декларацией, а само правосудие – бизнес-симулякр, не имеющим никакого отношения к правам человека. Специалисты социальной работы, правозащитники, обвиняемые и их родственники обычно сталкиваются с «презумпцией виновности», связанными с нею императивами расправы: преступникам предлагаются не возможности погасить свой долг перед обществом, а меры, пресекающие преступления, в том числе парадоксально-профилактического (впрямую) наказания тех, кто не имеет достаточно ресурсов, чтобы оплатить услуги коррупционеров от правосудия.

Библиографический список

1. Бейзмор, Г. Три парадигмы ювенальной юстиции / Г. Бейзмор // Восстанов. ювен. юстиция. – Пермь : ПОНИЦАА, 2006. – С. 6–36.
2. Белый, А. Ювенальная юстиция: суть проекта / А. Белый [и др.]. – М. : Концептуал, 2011. – 100 с.
3. Бесемер, Х. Медиация. Посредничество в конфликтах / Х. Бесемер. – Калуга : Духовное познание, 2004. – 200 с.
4. Борисова, Н. Е. Ювенальная юстиция в России / Н. Е. Борисова. – М. : Манускрипт, 1998. – 134 с.

5. Максудов, Р. Р. Программы восстановительного правосудия и социальная работа: возможности взаимодействия в ювенальной юстиции / Р. Р. Максудов, М. Г. Флямер // Вестн. восстанов. юстиции. – 2000. – № 1. – С. 27–36.

6. Мельникова, Э. Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголов. права, уголов. процесса и криминологии : учеб. пособие / Э. Б. Мельникова. – М. : Дело, 2000. – 272 с.

7. Сафуанов, Ф. С. Судебно-психиатрическая экспертиза в уголовном процессе : науч.-практ. пособие / Ф. С. Сафуанов. – М. : Смысл : Гардарика, 1998. – 192 с.

8. Seligman, M. E. P. Helplessness: on depression, development, and death / M. E. P. Seligman. – New York : W. H. Freeman, 1992. – 250 p.

УДК 342(4)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ Constitutional Legal Regulation of Religion in European Countries

С. В. Шевченко – доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России, кандидат исторических наук, доцент;

А. Е. Юрицин – доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

S. V. Shevchenko – Associate-Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Omsk Academy of the Russian MIA, Candidate of Historical Sciences, Associate-Professor;

A. E. Yuritsyn – Associate-Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs at the Omsk Academy of the Russian MIA, Candidate of Legal Sciences

***Аннотация.** В статье анализируются актуальные проблемы конституционно-правового регулирования вопросов вероисповедания в европейских государствах.*

The article analyzes the current problems of the constitutional and legal regulation of religion in European countries.

***Ключевые слова:** религия, вероисповедание, конституционализм, свобода вероисповедания, государство, конституция, веротерпимость, церковь, религиозное воспитание, присяга, государственные символы, европейские государства.*

Religion, constitutionalism, freedom of religion, state, constitution, religious tolerance, church, religious education, oath, state symbols, the European states.

На протяжении всей истории человечества религии играли и продолжают играть большую роль. Не случайно уже на заре становления конституционализма вопросам вероисповедания придавалось большое значение.

Первой конституцией крупного государства является Конституция США 1787 г. В 1791 г. вступили в силу предложенные Д. Мэдисоном первые десять поправок, которые стали составной частью Конституции США под общим